

A photograph of a man with grey hair looking down at a white cat. The man's face is in the upper right, and the cat is in the lower left. The cat's eyes are glowing yellow. The background is a plain wall with a window showing some colorful objects.

СЕРГЕЙ ПОПОВ

**ПОСЛЕДНИЙ
ПИСЬМО
ПОЛКОВНИКА
ЗАРУБИНА**

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Сергей Попов

**Последний писк полковника
Зарубина. Иронический детектив**

«Издательские решения»

Попов С. Н.

Последний писк полковника Зарубина. Иронический детектив /
С. Н. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833873-1

Остросюжетный детектив, где офицер спецслужб и его коллеги вступают
в поединок с бандой, руководимой отставным полковником, изобретательным
и жестоким.

ISBN 978-5-44-833873-1

© Попов С. Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Расчлененка и дырявый череп	7
Глава 2. Её звали Владипутя	17
Глава 3. ...А вы груди считать умеете?	25
Глава 4. Тело Ленина живет и побеждает	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Последний писк полковника Зарубина
Детективная повесть
Сергей Николаевич Попов

© Сергей Николаевич Попов, 2016

ISBN 978-5-4483-3873-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

«Какие они все-таки разные, эти кошки! Нет, разные не по окрасу и даже не по характеру, какие они разные по проявлению материнских чувств! – Лена, привлекательная сорокалетняя блондинка, тяжело вздохнула, переложив мобильный телефон в другую руку и продолжала говорить, – Оля, представляешь, моя пестрая кошка, ну, та, что живет у нас в квартире, в Троицке, родила. Да, да, родила сразу четырех котят. Хорошенькие такие! Правда, есть в кого: мамаша, слава Богу, красавица и папаша, соседский кот, между нами, девочками, тоже, я тебе скажу ничего! Но вот оказия родила, поганка, и пуповины у котят даже не обкусывала, они за ними волочатся, а главное, сама кошка не знает, что с котятами делать: сидит, смотрит на меня и мяукает. Я думаю: она сейчас станет их кормить, и ушла в комнату, чтобы не мешать. Ничего подобного: не кормит – идет за мной. Я иду обратно в коридор, где ползают котята, кошка за мной в коридор. Котята к ней бросились, сосут – думаю, ну, слава Богу, кормление пошло, и опять в комнату – что я, дура, что ли, в коридоре сидеть. Так, представляешь, кошка опять идет за мной в комнату. А котята брошенные, голодные орут. Так пришлось ночевать на циновке в коридоре, чтобы эта бестолковая мамаша лежала тут же, а котята бы её сосали. Не ночь, а кошмар в сумасшедшем доме! И это породистая кошка!»

Лена опять тяжело вздохнула, повертела телефон в руке и, приложив к уху, продолжала: «А вот другая кошка, та самая, что пришла к нам уже в коттедж в Чириково, в отличие от этой породистой, мамаша идеальная. Она, как ты понимаешь, в начале лета тоже родила. Так вот от потомства своего не отходит, пока не накормит, и уже учит их охотиться. Зачем охотиться, спрашивается? Я их и так кормлю три раза в день! Нет, она еще таскает их в лес и там они всей оравой ловят кого не попадя: мышей, лягушек, а вчера птицу какую-то приволокли. Прихожу их кормить, а весь двор в перьях. Честное слово, какая-то стая диких котов во главе с мамашей! Вот сейчас опять кого-то волокут из лесу: не пойму, жабу или крота. Нет, кого-то крупнее. Подожди, сейчас подойду ближе и присмотрюсь...»

Лена сделала несколько шагов навстречу звериной компании, сощурила глаза, а затем вскрикнула и упала навзничь. Из трубки доносился насмешливый голос подруги: «Алло! Алло! Не слышу. Так кого эта шайка котов завалила сегодня: кротика или жабоньку?» Ответа не последовало. Мимо упавшего на траву мобильного телефона деловито проследовало все кошачье семейство: четверо двухмесячных котят во главе с мамашей. Мамаша урчала от наслаждения. В зубах она несла кисть человеческой руки, с которой еще капала свежая кровь.

Глава 1. Расчлененка и дырявый череп

Лично я узнал об этом происшествии спустя несколько часов с того момента, как оно имело место быть. А в настоящее время я, проснувшись, уставился глазами в висевший на стуле офицерский мундир. Долго и тупо на него смотрел, а потом вспомнил, причем, собственно, здесь мундир. А вот причем: вчера я обмывал с сослуживцами третью звездочку на своих погонах. Теперь я – старлей. Присвоение звания было внеочередное, за операцию с алмазами. В каком собственно ресторане был банкет, я не помнил, да и не хотел вспоминать. Голова болела. Но душа болела еще больше. Дело в том, что вчера в этом златном заведении я – новоиспеченный старлей, встретил девушку. Нет, назвать эту насмешку природы девушкой не поворачивался язык. Та, что я повстречал в ресторане, а потом и провел с ней ночь, причем как-то по-особенному провел, без секса, была, честное слово, страшнее ядерной бомбардировки. Я воскресил в памяти ее лицо, и мне вдруг вспомнилась песенка из студенческой молодости: «... Одна нога у ней была короче, другая – деревянная была. Был левый глаз фанерой заколочен, а правый глаз не видел ни фиги». Раньше, когда я вспоминал эту песенку, всегда веселился. Сейчас мне было не до смеха, – вчерашнее воспоминание было не из приятных.

Конечно, я обратил внимание на эту «красавицу», лишь очень сильно подпив. Согласитесь, повод был – внеочередное присвоение звания. Правда, место, где отмечали мою звезду старлея, было таким, куда никто симпатичней за весь вечер просто не заглянул. Может и не ресторан это был вовсе, а кафешка или точнее забегаловка. Начнем с того, что одна нога у этой крали и впрямь была значительно короче другой. Это стало очевидно, когда она, сбросив туфли, вдруг стала танцевать на столе босиком, чтобы развлечь «господ офицеров» – на одну ногу она слегка припадала, другую чуть волочила за собой. Но это был не единственный ее изъян, а первый замеченный мной. Были и другие, например, – одно плечо у девушки было выше другого, а груди не было вовсе. Последнее я обнаружил, когда уже после ее сольного танца увел ее прочь от посторонних глаз куда-то за портьеру и там стал, мягко говоря, ошупывать. Девушка сначала выдержала паузу, затем дико захохотала. «Ты что смеешься?» – испуганно спросил я, – думал, она – ненормальная. «Как чего? – переспросила „красавица“ и со знанием дела объяснила, – шаришь, шаришь у меня на груди, и ничего не можешь найти. У всех теток здесь что-то есть, а у меня – ничего. Смешно, правда?!»

Помню, как я сделал вид, что мне смешно, хотя смешно не было. Это была единственная представительница прекрасного пола в этот вечер, и сослуживцы уступили её мне, как виновнику торжества. Благородные парни, нечего сказать! Но если бы всё закончилось рестораном, это было бы полбеда – просто скверный анекдот какой-то – не более. Самое страшное, что я зачем-то вызвался провожать эту страхолюдину. Та, наверное, ушам своим не поверила, когда старший лейтенант спецслужб в отутюженной форме при полном параде предложил ей такое. Аж просияла вся. «Куда пойдем?» – спросил я. Девушка манерно выдержала паузу, а затем сказала: «По Бродвею хочу сходить». Она имела в виду Тверскую улицу Москвы, всю освещенную неоновым светом, с нарядными витринами, припаркованными дорогими иномарками, приличной публикой. И не успел я предложить взамен маршрут скромнее, например, на Курский вокзал, с которого она еще бы успела уехать домой в Тарусу, как «красавица» цепко взяла меня под руку и всей массой своего хрупкого тела увлекла на «Бродвей».

Сейчас, лежа в постели с больной головой, я с ужасом вспомнил именно этот момент. Дело в том, что я очень люблю Москву, а больше всего люблю именно Тверскую улицу и, оказываясь на ней, я всегда хочу быть на высоте. По крайней мере, когда мне предстоит пройтись по Тверской, то я стремлюсь соответствовать главной улице моего города и надеваю все самое лучшее. А женщина для мужчины, по моему убеждению, это еще и продолжение его костюма. А тут такой казус – костюм в порядке, а вот женщина... Москвичи, мои дорогие москвичи,

ночные обитатели Тверской, видели меня вчера, идущим под руку именно с этой насмешкой природы. Какое-то издевательство надо мной высших сил! Почему? За что?

Мне стало нестерпимо больно от этих воспоминаний. Что можно сделать, чтобы отвести боль? Я вспомнил совет какого-то литератора: если досадное происшествие превратить в рассказ или в стихотворение, оно перестанет тебя мучить. Поэтому я немедленно схватил карандаш и на каком-то клочке бумаги вывел четверостишие:

«Почему мне глаза спрятать не во что?
Почему я в душе сам не свой?
– Некрасивая, страшная девушка
Ковыляет под ручку со мной».

Закончив писать, я бросился в туалет. Расстройство желудка. Со мной так бывает всегда после обильного возлияния – не выдерживает печень. В туалет я примчался, естественно, с карандашом в руке – не успел выложить. Переведя дух, я спросил себя, стало ли мне легче на душе после написания первого четверостишия? И констатировал: нет, не стало. Поэтому я взял в руки рулон туалетной бумаги и немедленно записал на нём второе четверостишие, которое являлось продолжением первого:

«Мы по главной с ней шествуем улице,
Той, что в городе кличут «Бродвей».
Эта стерва, лукаво сожмурившись,
Упросила пройти с ней по ней...»

Я поднялся с унитаза, едва доковылял до кровати, как стремглав бросился обратно. Отдышавшись, я опять обнаружил у себя в руке карандаш и поэтому опять задал себе вопрос: легче ли стало на душе? И опять честно ответил: нет, не легче. Тогда я решил продолжать стихосложение. Сидя на унитазе, я вспомнил, как вчера то и дело предлагал своей спутнице свернуть куда-нибудь прочь с престижной освещенной улицы, посидеть во дворике на лавочке – ни в какую. Я даже с надеждой посматривал на небо – не пойдет ли ливень, чтобы быстрее усадить её в такси и отправить на Курский вокзал. Так мне было стыдно, что в такой день – день внеочередного присвоения звания – рядом не оказалось никого симпатичней этой страхолюдины. Нет, дело не в том, что вообще не оказалось, а в том, что не оказалось именно вечером на Тверской улице, главной улице моего любимого города – Москвы.

Так на туалетной бумаге появилось еще одно четверостишие:

«Эх, скорее свернуть в подворотню бы,
Эх, бы туча нависла черней,
Если б град, налетев черной сотнею,
Разогнал любопытных людей».

В этот момент в дверь позвонили. «Кто бы это мог быть? – с удивлением подумал я. – Только не сослуживцы. Ведь на работе мне на сегодняшний день официально дали отгул. Тогда кто?» Я доковылял до двери и повернул ключ. К моему удивлению на пороге стоял именно сослуживец, более того, мой непосредственный начальник – капитан Ревнилов. Его тоже крутило и колотило после вчерашнего. Он и вчера приступил к застолью, уже будучи не в себе. Весь – один сплошной комок нервов. Пил водку фужерами и практически не закусывал. «Что с тобой?» – поинтересовались сослуживцы. В ответ капитан лишь махнул рукой. Больше его ни о чем не спрашивали.

Сейчас, увидев меня в одних трусах с рулоном туалетной бумаги в руках и карандашом за ухом, Ревнилов воспринял это, как норму, то есть как продолжение вчерашнего кошмара. Только его кошмар был связан не со страшной девушкой, как у меня, а со страшным количеством поглощенного спиртного. Капитан, тем не менее, невозмутимо скомандовал: «Одевайся! Машина внизу». «А что случилось?» – механически спросил я, натягивая брюки. «„Расчлененку“ нашли эдак километрах в десяти за Троицком, – также машинально ответил капитан и живо полюбопытствовал, – У тебя похмелиться есть чем?» Я жестом указал в направлении кухни. Визитер кинулся туда. «А почему едем мы, а не менты?» – спросил я вдогонку. В ответ молчание. Хлопнула дверь холодильника, затем еще один хлопок – это сорвана зубами пивная пробка, бульканье, а затем довольный умиротворенный голос моего начальника: «Сам не знаю. Наш шеф, Платон Филиппович, сказал, что инструкции получим на месте». Капитан Ревнилов появился в проеме кухонной двери с наполовину опорожненной бутылкой пива в руке. Его губы и глаза улыбались: «А славно вчера накатило, да? Будет что вспомнить».

Мне ничего из вчерашнего вспоминать не хотелось. В машине я преимущественно молчал, потому что боялся забыть следующее – последнее четверостишие, отражавшее как события вчерашнего дня, так и мое личное душевное состояние.

«С облегчением плюнул я на землю,
Когда с ней электричка ушла,
Как же это меня угораздило?
Неужели так плохи дела?»

А дела действительно были неважные – ни одной близкой души вокруг. Предыдущее задание с алмазами успешно завершилось, а вместе с его завершением из моей жизни ушли другие алмазы – те женщины, с которыми меня свела эта история. Такова горькая участь работника спецслужб – оставаться в одиночестве после блестяще одержанной победы.

Правда, я вдруг с удовлетворением обнаружил, что после завершения описания в стихах вчерашнего происшествия, горькое ощущение досады и впрямь исчезло. Совет литератора оказался действенным.

Небольшой коттеджный поселок на окраине деревни Чириково кишмя кишел машинами и людьми. В этом водовороте было заметно много автомобилей с синими номерами, которые, несомненно, принадлежали полиции. В толпе сновали люди в такой же синей форме – сотрудники МВД, но было (и немало) людей в безупречно опрятной, но невыразительной одежде, с такими же опрятными, но невыразительными лицами, в которых я научился безошибочно узнавать людей из собственного ведомства.

Когда мы вместе с капитаном Ревниловым протиснулись ближе к коттеджу с номером 6 на улице Лесная, вокруг которого в основном и толпился народ, то, увидев во дворе на изумрудной газонной траве тело, покрытое белой простыней, я сразу поймал себя на мысли, что контуры тела какие-то неполные, словно под простыней чего-то не хватает. Я инстинктивно стал осматривать взглядом пространство вокруг и увидел еще один предмет, тоже накрытый, но уже не простыней, а скорее принесенной из коттеджа скатертью. В этот момент капитан Ревнилов приподнял ткань – под ней были две кисти руки и голова с выпученными ореховыми глазами.

«Исхак Цысарь, секретный агент разведки «Моссад» – услышал я над своим ухом голос Платона Филипповича, начальника отдела экономической безопасности, куда меня перевели с повышением в звании после успешно проведенной операции. Теперь я понял, почему здесь находятся люди из нашего ведомства.

Коттедж принадлежал некоему Виталию. Это его жене кошка принесла в зубах отрубленную кисть агента «Моссад». Сейчас женщину отпаивали на кухне валерьянкой. С самим хозя-

ином коттеджа разговор шел в каминном зале. Шел именно разговор, а не допрос, как было положено в таких случаях. Это в первую очередь бросилось мне в глаза. Мои сослуживцы, сначала вежливо удалив сотрудников МВД, как из дома, так и с прилегавшей к нему территории, расположились у камина за столом. Они не высказали никаких возражений, когда хозяин предложил зажечь камин, чтобы гостям (к сожалению, непрошенным) было уютнее. «Люблю, когда головешки трещат» – доверительно бросил Виталий. Капитан Ревнилов, подхватив его доверительную интонацию, обронил, как бы вскользь: «Под треск дровишек хорошо и накатить по стопке». Его все еще продолжало колотить после вчерашнего кутежа. На реплику капитана тут же обернулся начальник отдела, Платон Филиппович. Но, вместо того, чтобы гневно осадить подчиненного, предлагавшего выпить на работе, он, к моему удивлению, одобрительно кивнул головой. Ревнилов, в свою очередь, переадресовал его кивок мне: «Понял, старлей? Пузырь водки быстро. Одна нога – здесь, другая – там».

Пока я искал по карманам деньги, успел услышать обрывки беседы. Моих коллег почему-то интересовало не то, при каких обстоятельствах была найдена кисть руки, где была обнаружена голова, а где – остальное тело, а то, чем именно занимается владелец коттеджа. Тот в ответ сказал, что он – костоправ или на современный манер – хайропрактик. Начальник отдела живо поинтересовался, а какие болезни он лечит. В ответ донеслось: «Сколиоз, кифоз, позвоночную грыжу». Дальше я ничего не услышал – капитан Ревнилов сунул мне в руку какие-то денежные купюры и вытолкал за дверь, напомнив, чтобы я обязательно принес чек за приобретенный пузырь – в конце месяца по нему возместят расходы.

«Почему Платона Филипповича интересует какой-то сколиоз, кифоз, которые лечит этот костоправ, в то время как несколько часов назад здесь, около этого коттеджа было совершено зверское убийство и не кого-нибудь, а нашего израильского коллеги?» – терзал я себя вопросом, пока водитель Денис (сокращенно Диса), который привез нас в Чириково, в свою очередь терзал вопросами местных жителей, как нам найти продуктовый магазин. Бытность работника спецслужб научила меня думать на опережение: надо всегда иметь свою версию происхождения событий и их развития, событий, в которые, возможно, тебя втянет судьба или приказ непосредственного начальства. Так впоследствии будет легче выйти сухим из воды. «Итак, – продолжал размышлять я, – если Платону Филипповичу, в сущности, наплевать на это лежащее под простыней тело без головы и без других конечностей, значит, существует проблема, человек или вещь, которая работникам нашей конторы в сто раз важнее несчастного Исхака Цысаря, чья отрезанная голова сейчас валяется во дворе. Но что это за проблема, человек или вещь, которые так интересуют наше ведомство? Знай, я ответы на эти вопросы, мне было бы легче выстроить собственную игру, если в ней, конечно, возникнет необходимость».

Когда я вернулся с пузырем водки в руках, пламя в камине уже разгорелось, на столе был приготовлен фуршет, расставлены бокалы. «Ну, тебя только за смертью посылать, старлей!» – укоризненно бросил Платон Филиппович. «Я проведу с ним разъяснительную работу, товарищ подполковник, – живо вмешался капитан Ревнилов. – Разрешите наливать?» Руки Ревнилова ходили ходуном – ему страх как не терпелось выпить. В первую очередь он налил, конечно, старшим по званию, затем себе, про остальных забыл. Начальник отдела исправил эту оплошность. «А хозяину?» – указал он на Виталия. К удивлению огромного роста мускулистый Виталий накрыл свой фужер ладонью. «В чем дело?» – ласково поинтересовался подполковник и уже насмешливо спросил: «Ваше поколение выбирает «пепси»? Костоправ так же благожелательно ему ответил: «Наше поколение выбирает женщин». К всеобщему удивлению мой начальник зааплодировал. «Браво! Вот с кого тебе надо брать пример, – заметил он Ревнилову, который одобрительно кивнул головой, не отрывая бокал от рта. Платон Филиппович с неподдельным интересом опять обратился к костоправу, – И какие же, Виталий, у вас здесь бывают женщины?» «О, самые разные! – живо отреагировал костоправ. – Представляете, правлю я одной даме спину и говорю: «Перевернитесь, пожалуйста, на другой бок». А она мне: «Не могу.

Грудь мешает». Я как взглянул: мама моя родная! Две груди и каждая величиной по ведру. Я её спрашиваю: «А как же вы ходите? Они вам разве при ходьбе не доставляют неудобств?» «А я стараюсь не ходить, я все больше лежу или в машине езжу. – говорит клиентка. – А то, если я иду, грудь меня и в самом деле к земле тянет, и я все время падаю». «Потрясающе! – воскликнул Ревнилов. – Я предлагаю налить по второй и теперь выпить именно за эту часть женского тела!» Капитана все еще мучило похмелье, и он никак не мог спокойно слушать рассказ костоправа, видя, что на столе стоит бутылка, до половины наполненная крепкой прозрачной жидкостью. Исходящий из неё дух достигал ноздрей и истязал капитана так, что он готов был заплакать, если ему не позволят налить еще раз. Подполковник понял его состояние и чтобы отделаться от человека, который мешал ему удерживать тонкую нить беседы, одобрительно кивнул головой: «Пей, капитан. Пей и ни на кого не обращай внимания». Сам же Платон Филиппович поставил свой бокал на место и с неподдельным интересом обратился к хозяину: «Какая же интересная у вас работа! Значит, говорите, каждая грудь у женщины была величиной с ведро. Потрясающе! Но вам-то, наверное, еще и не такое приходилось видеть?» «Да, приходилось, – охотно отозвался хозяин коттеджа. – Например, женщину, у которой не две груди, а четыре».

По той реакции, которая была у моих сослуживцев, по той сосредоточенности, которая в один момент сковала их лица, я понял, что сейчас они услышали именно то, что стремились услышать в этих стенах. Женщина, у которой было не две груди, как у всех, а почему-то четыре, была для них важнее расчлененного на куски агента израильских спецслужб. Итак, теперь я знал ответ на вопрос, который мучил меня, пока шофер искал дорогу к поселковому магазину. Оставалось понять: зачем моему ведомству понадобилась эта необычная женщина?

Костоправ тоже почувствовал перемену в слушателях и замолчал. Паузу прервал Платон Филиппович: «Ну, и как она вам, эта дама?» «Что, как?» – не понял костоправ. «Ну, общее впечатление?» «Потрясающе!!! – вдохновился хайропрактик, – Сейчас расскажу, Вот, например, приходилось ли вам видеть человека с шестью пальцами?» Все присутствовавшие отрицательно покачали головами. «Лично мне приходилось. И не раз. Отвратительное зрелище. Конкретно меня такая аномалия отталкивает. А женщина, у которой четыре груди, – это совсем другое дело! Это не просто вполне нормальное зрелище, я бы сказал: это зрелище восхитительное! В такой представительнице прекрасного пола есть что-то возвышенное, величественное, а главное, на редкость притягательное. Такое впечатление, что слейся ты с ней, как мужчина с женщиной и выполнишь какую-то большую вселенскую миссию». «Вот – вот! – бросил вскользь Платон Филиппович. – Об этом мы уже осведомлены, ... правда, из Интернета».

Виталий замолчал. Молчали сотрудники спецслужб. Я невольно перевел взгляд на хозяйку коттеджа. Виталий заметил это и воспользовался, чтобы разрядить обстановку. «Хорошо, что у меня жена не ревнивая. Правда, Леночка? А то при моей работе не знал бы, что делать». Леночка, которая, наверно, уже не в первый раз слышала рассказы своего мужа и про грудь величиной с ведро, и про даму, у которой этих грудей было не две, а четыре, устало бросила: «Папик, ты сменил бы тему, а то утомил людей пустыми рассказами. У них к нам, наверное, и посерьезней вопросы есть». «Нет, нет, не мешайте ему, пусть рассказывает, – запротестовал начальник отдела и уже обратился напрямую к костоправу, – Скажите, Виталий, а какие проблемы были у той женщины, у которой четыре груди? Ну, с чем она к вам обращалась? Когда была в последний раз? Когда должна была посетить вас вновь?»

«Нет, не ошибся – отметил я для себя, – предмет повышенного внимания моих коллег – именно эта необычная женщина. Но зачем она им? Зачем? Зачем? Зачем?» Я решил дожидаться удобного случая и, прикинувшись простаком, задать этот вопрос в лоб – а вдруг расколются.

Услышав, что именно интересуется его гостей, костоправ задумался: «Ой, да эта дама была у меня вчера. С чем обращалась? Не вспомню – у меня много людей. Сколько я ей сеансов назначил и с какой периодичностью я тоже забыл. Мне надо посмотреть в журнал. Я вниз

спущусь – принесу. Лена, – обратился он к жене, – ты не помнишь, куда я задевал свои очки? Без них теперь вблизи ничего не вижу». Оба, костоправ и его жена, быстро вышли.

«Установить за коттеджем круглосуточное наблюдение! – приказным тоном отчеканил Платон Филиппович. – Есть шанс, что она здесь еще появится. Капитан Ревнилов – исполнять!» «Есть исполнять! – Ревнилов поставил фужер, который уже опустошил три раза, и тут же потянулся к бутылки, чтобы наполнить бокал в четвертый раз. «Капитан Ревнилов, – жестко пресек его действия подполковник, – вы слышали приказ? Срочно организовать наблюдение за коттеджем. Надо фиксировать всех, кто приходит на прием к костоправу». От столь быстрого перехода от вальяжной беседы к служебным обязанностям Ревнилов растерялся, и чтобы нагнать мысль своего начальника спросил: «А кого мы здесь ждем?» «Ну, эту даму с четырьмя грудями» – неохотно ответил Платон Филиппович. Я, окрыленный тем, что подполковник начал «колоться», решил пойти дальше капитана и задал тот вопрос, который интересовал уже меня: «А на кой чёрт она нам сдалась, товарищ подполковник?» Платон Филиппович, пристально посмотрев мне в глаза, ответил: «Согласно некоторым восточным поверьям, товарищ Ведрин, женщина, у которой четыре груди, должна произвести на свет Спасителя Отечества». Ответ был не то в шутку, не то всерьез. Я не смог скрыть свое удивление этим ответом. «Ну и что с того, что она родит какого-то Спасителя Отечества?» Подполковник Гладилин даже не стал смотреть в мою сторону, а лишь отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. «Капитан, установить наружное наблюдение». – повторил он приказ Ревнилову. В этот момент из-за стола встал майор Сверчков. «Товарищ подполковник, – обратился он к старшему по званию. – Разрешите мне срочно отбыть в Москву по служебным делам». Платон Филиппович кивком головы дал свое согласие. «Может быть мне тоже слинять? – мелькнуло в голове. – Из-за какой-то ерунды теряю драгоценное время? Дама с двумя бюстами, рождение Спасителя Отечества – это чушь. Надо найти повод смыться».

Когда майор вышел, вдруг неожиданно оживился Ревнилов. «Стоп! – вдруг ударил он ладонью по столу. – Товарищ подполковник, в нашем случае наружное наблюдение за коттеджем ничего не даст». Брови Платона Филипповича удивленно взметнулись. Капитан продолжал: «Находясь на улице, невозможно визуально отличить, у посетительницы четыре груди, или, как у всех, – две – под одеждой не поймешь. А, тем более, что осень началась – пойдут плащи, куртки, пальто». «Твое предложение», – перебил его начальник отдела. «Надо кого-то в доме оставить», – ответил капитан. «Оставить, как?» – поинтересовался подполковник. Ревнилов лишь на секунду задумался: «Под видом лечения!»

«Интересно, кому поручат вести наблюдение и одновременно лечиться? – подумал я. – Точно не мне. Ведь я же здоров. И, слава Богу! Сейчас же найду удобный случай и заявлю, что мне тоже срочно нужно в Москву, как майору Сверчкову. Вместо того, чтобы торчать в этой глуши, я, наконец, займусь наведением порядка в своей личной жизни. Вчерашнее не должно повториться: не буду больше со страхолюдинами гулять по Тверской!»

В это время вошел костоправ в узких продолговатых очках. Начальник отдела тут же попросил его: «Виталий, а Вы можете сейчас осмотреть одного нашего сотрудника? А то он на спину жалуется». «Впервые слышу, чтобы кто-то из моих сослуживцев жаловался на боль в спине» – с недоумением отметил я. Но в этот момент подполковник бросил выразительный взгляд именно в мою сторону. Ревнилов перехватил движение начальственных глаз и тут же шепотом скомандовал: «Раздевайся, старлей!» И не успел хозяин коттеджа произнести, что он не против того, чтобы произвести осмотр, как я уже стоял перед ним в одних трусах.

«А спина-то у вас, молодой человек, в идеальном состоянии, – сказал костоправ. – Ума не приложу, почему она у вас может болеть». Повисла неудобно пауза – сотрудники спецслужб поняли, что попали впросак. Я же чувствовал себя симулянтom. Забыв, что минуту назад я благодарил Бога за то, что мне, кажется, удалось избежать перспективы остаться в этом коттедже под видом больного, теперь я ощущал себя виноватым в том, что моя спина оказалась абсо-

лютно здоровой. Я чувствовал, что подвел Платона Филипповича, подвел Ревнилова, подвел всех своих новых сослуживцев, с которыми мне предстояло работать, и поэтому хотел исправить ситуацию. Хотел, но не знал как. И вдруг у меня в голове всплыла строчка из шуточной песенки, во второй раз всплыла за это утро: «Одна нога у ней была короче...» «Гражданин Костоправ, – я почему-то вдруг официально обратился к хозяину дома. – А вы можете удлинить ногу?» Взгляды всех присутствовавших разом обратились в мою сторону. Я продолжал: «А то у моей подруги одна нога значительно короче другой». «На пять сантиметров могу удлинить, не больше» – со знанием дела сказал Виталий. «Ну, так я ее к вам приведу, ладно? И сам с ней побуду пока это... того... процесс лечения».

Я собственноручно поставил крест на перспективе наладить в ближайшие дни свою личную жизнь. Ответ костоправа лишь утвердил меня в этом: «Это долгий процесс – удлинить ногу. За один сеанс я не вылечу». «Ничего, пусть будет долгий, – охотно подхватил Платон Филиппович, который на лету понял мой замысел. – Лечите ее, как следует, Виталий. Мы все оплатим. А то, сами понимаете, пора парня женить, а у его избранницы одна нога короче другой. Безобразия! Такой брак – позор для всего нашего ведомства».

Виталий открыл, было, рот для того, чтобы выразить свое согласие, как в этот момент в каминный зал вошел высокий мужчина средних лет. Мало того, что он был одет «с иголки», весь его уверенный вид, неторопливость движений говорили о том, что перед нами человек не только состоятельный, но и состоявшийся, состоявшийся именно как личность. «Ко мне пациент», – вырвалось из открытого рта костоправа. «Не смеем мешать» – сказал подполковник, поднимаясь из-за стола.

«Тащи сюда свою хромоногую невесту!» – насмешливо и в то же время тоном, не терпящим возражений, сказал мне Платон Филиппович, когда мы, покинув коттедж, рассаживались по машинам. «Да не невеста она мне вовсе. Я вообще не знаю, кто она такая...» – стал было оправдываться я, но подполковник меня прервал: «А вот это меня не касается». И, посмотрев в упор, спросил: «У тебя существует такая знакомая или ты все выдумал?» Я твердо ответил: «Да, существует». Подполковник одобрительно кивнул головой: «Чтобы сегодня к вечеру, в крайнем случае, завтра утром хромоногая девица была у врача или как там его... у хайро-практика. А ты чтобы был при ней и вел наблюдение за теми, кто приходит в коттедж. Поджидал эту,... особу с двумя бюстами. Понял?» Вместо того чтобы отчеканить: «Так точно!», я почему-то спросил: «А что делать, если она появится?» «Задержать!» – коротко ответил Гладиллин. – «А попытается скрыться?» «Тогда... – подполковник на мгновение замялся, но тут же жестко заявил, – стрелять на поражение».

Я был ошарашен его ответом и, глупо улыбнувшись, сказал: «Жалко». В ответ Гладиллин сверкнул глазами: «Жалко, говоришь. А ты что, хочешь разделить участь израильского агента?» Платон Филиппович указал сначала на простыню, под которой лежало обезображенное тело, а затем на скатерть, под которой покоились кисти рук и голова. – Исхак Цысарь по нашим данным сюда за ней приходил“. Я молчал. Подполковник переспросил: „Хочешь?“ Теперь я отчеканил: „Никак нет!“ „Вот то-то же, – бросил Платон Филиппович и обратился к Ревнилову: «Капитан, ты головой отвечаешь за то, чтобы нездоровая девица старшего лейтенанта Ведрина оказалась здесь на лечении». «Есть» – вытянулся в струну Ревнилов. Дверцы служебной машины подполковника захлопнулись, капитан обратил свой взор на меня: «Как ее звать эту крысу с разными по длине ногами, и где она живет?»

Я вдруг вспомнил, что даже не знаю, как зовут мою вчерашнюю знакомую. Знаю только, что она живет в Тарусе. Я отрапортовал: «Как зовут „крысу“ не знаю, знаю, что живет в Тарусе». «В Тарусу!» – скомандовал Ревнилов уже нашему водителю.

Наша «пятерка» свернула с бетонки на мост, пересекла его и направилась в сторону Тарусы. Я, молча, размышлял так: «Ехать искать эту подругу в чужой город, не зная ни фами-

лии, ни имени – геморрой. Легче найти в Москве. Но, поддавшись общему ритму, который задал начальник отдела, я решил до поры до времени не озвучивать эту мысль.

И вдруг «пятерка» заглохла. Водитель повернул ключ зажигания, стартер не откликнулся. Диса еще и еще раз подергал ключ зажигания – безрезультатно.

«А может, машину и заводить не надо – сказал водитель, – наверное, в ней бензин кончился».

«Не может быть, – возразил капитан. – Лампочка только один раз моргнула».

«Все может быть, – с каким-то удовлетворением ответил Диса. – В машине указатель уровня топлива сломан».

«Толкнем». Диса многозначительно кивнул, и мы с Ревниловым вылезли из машины. В нос врзался холодный воздух.

Мы хотя и с трудом, но откатали «пятерку» к обочине. Пока катили, Ревнилов материл машину» «Ё – моё! Почему ты нас везти не хочешь?»

Свежий холодный воздух благотворно подействовал на мой организм, и я, набравшись смелости, спросил своего непосредственного начальника: «А может, мы просто не туда едем?» Капитан Ревнилов удивленно вздернул брови. Я продолжал: «Зачем ехать искать эту хромоножку в Тарусу, не зная ни ее фамилии, ни даже имени?» «Что ты предлагаешь?» – спросил Ревнилов. Он, кажется, тоже окончательно пришел в себя, пока мы толкали машину. «Легче найти ее в Москве, – ответил я и развил свою мысль. – Она мне проговорилась: фирма, где она трудится, находится в пяти минутах ходьбы от того злачного заведения, где нам вчера «посчастливилось» встретиться. А еще она сказала, что дом – пятиэтажный, а в офисе висит придурковатая люстра, которую видно в окно снаружи. Она так и назвала люстру – «придурковатой».

«А что ты раньше молчал?» – возмутился Ревнилов. Я тут же нашел, что ответить: «Я молчал, потому что старшие по званию решили ехать в Тарусу».

Капитан мгновенно скомандовал: «В Москву!».

Дису оставили разбираться с машиной, а мы с Ревниловым пошли бодрым шагом к видневшейся вдали автобусной остановке и вскоре присоединились к уже собравшимся на ней местным жителям с авоськами. Старенький «Львов» солидно подъехал к остановке, внутри было свободно. Мы забрались на задние сидения. Мотор взревел. Пахнуло выхлопным газом. Автобус тронулся.

За билеты никто не платил – контроллер дремал на своей сумке, Ревнилов смотрел в окно. Шум двигателя слился в один гудящий звук, шальной ветер, врывающийся в салон через сломанное окошко, приятно обдувал лицо. Капитан прикрыл глаза – видимо, хотел подремать. Я решил иначе воспользоваться возникшей паузой в сегодняшнем суматошном дне. Надо немедленно создать план выхода из кризиса, который царит в моей в личной жизни. А то в ней один мрак. С чего начать? И вдруг я вспомнил, как дней десять назад на этом фронте неожиданно прорисовалось одно светлое пятнышко. О нем подробнее.

Когда меня перевели в новый отдел, то серьезного дела сразу не оказалось. В плане отдела числилось одно общественно-полезное мероприятие, которое следовало провести – работа с молодежью на предмет профессиональной ориентации, а конкретно, встреча с членами спортивной команды по хард-болу, организованной при одной из московских школ. Сотрудники отдела, занятые оперативной работой, временем для проведения подобных встреч не располагали, вот и поручили мне.

На этом мероприятии я и заметил ее. Девушка была точь в точь, как Дева Мария с полотна какого-нибудь испанского художника эпохи Возрождения. Черные, как воронье крыло, волосы струились по плечам, белоснежная кожа, на которой, как яблоко на снегу, лежал яркий румянец, и большие грустные глаза. Правда, эти глаза становились грустными лишь тогда, когда они смотрели не в мою сторону. А вот когда в мою!... Короче, если это юное существо смотрело

на меня, то было видно, что она, во-первых, романтическая натура, а во-вторых, что она с первого взгляда влюбилась в такого матерого разведчика, как я. Сколько было восторга в этих выразительных зелено-карих глазах, сколько неподдельного интереса, а, главное, сколько переживания за то, сумею ли я понравиться ее товарищам по хард-болу. Она шикала на своих друзьях, если кто-то из них вдруг начинал болтать, и даже стукнула одного парня по голове тетрадью, когда тот ответил на звонок по мобильному телефону.

Я же, как умел, рассказывал, с какими трудностями придется столкнуться молодым людям, если они решат стать сотрудниками спецслужб, сколько сил и мужества потребует от них эта профессия, а сам думал лишь об одном, каким бы способом мне заполучить телефон этой красавицы. И придумал. В завершение мероприятия я обратился к аудитории: «Друзья! Я надеюсь, что эта наша встреча – не последняя. Нам нельзя терять друг друга из вида. Через кого мы будем поддерживать контакт?» На последней фразе я направил глаза не на кого-нибудь, а на ту, что так походила на Пречистую Деву Марию. Девушка вся просияла от восторга и стремительно подняла руку вверх: «Через меня!» И не успел я ответить согласием, как она продиктовала номер своего мобильного телефона и добавила: «Галя Лейкутович. Одиннадцатый класс А.» Я тут же внес эту информацию в свой мобильник, но позвонить – напомнить о себе, не было повода.

Перед глазами снова все поплыло... Но перед тем, как погрузиться в дремоту, я поклялся себе, что начну наводить порядок в своей личной жизни с того, что наберу номер телефона именно той девушки, которая так похожа на Пречистую Деву Марию.

Гудение двигателя и свист ветра превратились в сильный прибрежный бриз. Я осознавал, что это сон. Вокруг был раскаленный песок. Он, поднятый ветром с барханов, колот лицо. Вдоль берега носился агент Моссад Исхак Цисарь с отрубленной головой, которую он держал подмышкой. Голова развлекала его задорной песней. Она пела «Хава Нагилу» – единственную еврейскую песню, которую я знал. Правда, голова то и дело падала на песок, но агент поднимал ее, отряхивал и заставлял петь снова.

Мне порядком надоел этот Исхак со своей головой, и я решил глянуть «сколько там набежало». Но на левой руке вместо часов оказался компас. Компас показывал, как всегда – на север. «Что ж на север, так на север!» – подумал я, встал, отряхнулся от песка и сделал шаг. За первым же барханом ноги в песке завязли по колено. Кто бы смог мне помочь? – промелькнуло в голове. Я обернулся: безголовый Исхак был уже далеко. На его помощь нельзя было рассчитывать. И в этот момент кто-то положил мне руку на плечо и тихий голос сказал: «Попался, голубчик!»

От неожиданности я вздрогнул и открыл глаза.

«Что, какая остановка?» – машинально произнес я.

«Конечная» – ответил кто-то, снимая руку с моего плеча. Я поднял глаза: передо мной и Ревниловым стояла кондукторша.

– Где вы сели, мальчики?

– На предыдущей остановке». – ответил Ревнилов, вставая и обходя кондуктора. Я последовал примеру своего начальника. Женщина пообещала нас запомнить и ушла восвояси.

Спросонья я понимал одно: все происходящее, обезглавленный Исхак Цисарь, тот, что найден около коттеджа костоправа, и тот, что только что бегал по барханам, хромоножка без бюста, женщина, но уже с двумя бюстами и эта кондукторша – все это продолжение какого-то кошмарного сновидения, которое началось еще вчера в злачном заведении и упорно не желает заканчиваться.

Поэтому, когда в кармане Ревнилова зазвонил мобильный и Платон Филиппович сообщил моему начальнику, что возле коттеджа Виталия обнаружили еще один труп теперь с отстреленной верхней частью черепа, я воспринял это едва ли не как должное. Кошмар – так кошмар! Что поделаешь? И вдруг, словно ушат холодной воды вылился мне на голову –

меня отрезвило: «Стоп! Ведь именно мне предстоит дежурить в коттедже костоправа, возле которого то и дело убивают людей. Вот тебе бабушка и Юрьев день! Наладил, называется, свою личную жизнь. Тут как бы вообще не лишиться жизни. Не будет тебе, Антон, ни Пречистой Девы, не будет вообще никого, даже хромоножки... И вдруг при мысли о хромоножке у меня отлегло от сердца: «Мое дежурство в злополучном коттедже состоится лишь в том случае, если капитан Ревнилов эту хромоножку найдет. А он ее и искать не будет, потому что после полученной сейчас информации, я уверен, он немедленно сорвется назад в Чириково.

Но, к моему удивлению, Ревнилов вместо того, чтобы опять мчаться в Чириково, поднял по тревоге все молодое пополнение. «Желторотикам» было дано задание – заглядывать в окна пятиэтажек – искать «придурковатую» люстру. Радиус поиска был обозначен – один километр от того злополучного не то ресторана, не то кафе, где мы гуляли вчера.

На меня навалилось нервное состояние ожидания. Дало знать о себе и состояние похмелья. Я подумал: «Старшие по званию привели организм в порядок – теперь моя очередь». Я прямо так и сказал Ревнилову. В ответ он с пониманием кивнул головой: «Только находишься поблизости. Как только мы ее найдем, я тебе позвоню, и ты отправляешься с ней к костоправу». «Черта с два ты ее найдешь!» – злорадно подумал я и зашел в первый же попавшийся бар, заказал сто грамм водки, приготовился пить и сидеть здесь долго. По крайней мере, отдохнуть я успею. – Ну, что это за ориентировка – «придурковатая» люстра». Я поднес рюмку к губам, не стал пить одним глотком, а лишь немного отпил. В груди стало тепло, а в голове просветлело. Я решил воспользоваться состоянием ясности своего ума для того, чтобы прочно удерживать нить происходящих событий в своих руках.

Итак, я только что убедился еще раз, что трупы вокруг коттеджа костоправа меньше интересуют мое начальство, чем эта необычная дама. В Чириково только что кому-то отстрелили верхнюю часть черепа, а Ревнилов – главная рабочая лошадь нашего отдела остался в Москве искать вчерашнюю хромоножку для того, чтобы вместе с ней немедленно отправить меня наблюдать за тем, что происходит в доме у костоправа – ждать, когда в нем появится эта необычная женщина. Получается: если какой-то маньяк расстреляет, а затем расчленит всю деревню Чириково – спецслужбам все равно, главное, – не упустить эту даму, а то и замочить ее в случае попытки к бегству... Интересно, чем она им насолила? Впрочем меня это не касается – хромоножку они не найдут, а, значит, я остаюсь в Москве. Остаюсь и первым долгом звоню той очаровательной девушке с лицом Пречистой Девы. Я обрадовался открывшейся перспективе и поднес к губам свою рюмку. Но в этот момент раздался звонок Ревнилова на мобильный. «Нашли!» Я выругался, без всякого удовольствия допил свои сто грамм и побежал по названному адресу. На бегу я думал: «А ведь не зря Платон Филиппович называет моего начальника „пес-ищейка“! От такого и впрямь не уйдешь!»

У подъезда пятиэтажного офисного здания уже стоял капитан с букетом недорогих цветов. «Это твоей... – капитан стал подыскивать подходящее выражение для той, кому предназначались цветы, но так и не нашел, поэтому молча сунул букет мне в руки и, чтобы как-то подбодрить, похлопал по плечу. – Этаж третий, офис триста двенадцать. Я уже заглядывал. Это она». Мне вслед он бросил: «А люстра у них и впрямь придурковатая».

Глава 2. Её звали Владипутя

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, я опять с досадой подумал: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вместо чудесной перспективы встретиться с красавицей Галей Лейкутович я теперь буду торчать в коттедже костоправа с этой ошибкой природы может неделю, а может и не один месяц, а может вообще окончу там свои дни, так больше не увидев Галю. Интересно, за что же жизнь опять несправедлива ко мне?»

Глаза моей вчерашней знакомой стали квадратными от удивления, когда я предстал перед ней, да еще с букетом цветов. «Как ты меня нашел? – забормотала она. – А „веник“ что, тоже мне?» Оставалось только кивать головой и глупо улыбаться: «Захотел и нашел, а „веник“ – тебе». «А что сегодня будем делать? – спросила „красавица“, когда опомнилась и поставила цветы в вазу. – Ведь ты же, надеюсь, сейчас не уйдешь?» «Поедем к одному моему приятелю» – без хитросплетений выпалил я. Честное слово, я не знал, как разговаривать с этим существом, не будучи в состоянии сильнейшего опьянения. «Сейчас! Прямо так и к приятелю!» – возмущенно воскликнула та, что стояла напротив. Но тут же спохватилась, что переусердствовала и сменила тон: «Ты уж поужогавай меня, своди куда-нибудь, угости. Сделай так, чтобы у меня голова пошла кругом! А потом уж будем говорить насчет приятеля, ... а может, и не будем». Я понял, что теперь настал ее час – станет выделываться. Сколько лет она, бедолага, ждала этого часа? Наверное, всю жизнь. Теперь за годы томительного ожидания она отыграется на мне. Вот не хватало! Послать бы ее по матушке. Я уже было, подобрав пару слов, открыл рот, но вспомнил, что в настоящий момент я нахожусь не на свидании, а на задании, поэтому приготовился терпеть всё.

Но первая же произнесенная девушкой фраза выбила меня из равновесия, которое я обрел таким трудом. «Схилием по Тверской, как вчера» – предложила она и решительно направилась к выходу. Меня как кипятком ошпарило. «Нет!» – вскрикнул я и инстинктивно перекрыл телом дверь. «В чем дело?» – удивленно взметнула брови «красавица». «Я тебя тут дворами проведу, улочками-закоулочками, – на ходу стал придумывать я. – В московских дворах, в них есть такая поэзия!» «Я не хочу поэзию, – капризно надула губы девушка. – Я хочу схилиять по „Бродвею“, и не одна, а с тобой». «Ну, понимаешь, – я перешел на конструктивный лад, – кабак, в который я хочу тебя сводить, находится в другой стороне, туда по „Бродвею“ не схилиять». «А кабак клёвый или отстой?» – спросила девушка, не переставая дуться. «Сама ты – отстой!» – невольно сорвалось у меня. Я подумал, что в следующую минуту преподнесенный «веник» полетит мне в голову, но в ответ услышал: «Какая есть. Пошли».

Я, конечно, не знал поблизости никакого «клёвого кабака» и просто вел наугад свою спутницу, вел подальше от залитой неоновым светом центральной улицы города. Я шел и надеялся, что случайно наткнусь на какое-нибудь заведение, где можно перекусить, а главное, выпить. Я понимал, что моей спутнице нужно как следует налить, чтобы у нее, по ее же словам, «голова пошла кругом», потом ее можно будет беспрепятственно доставить в коттедж костоправа. Короче, мы уже полчаса шли, куда глаза глядят. «Ну, где он, твой кабак? – вдруг закапризничала спутница. – Еще квартал пройду, потом сяду на асфальт и буду сидеть, сидеть и выть, как собака!» – грозно добавила она. Чтобы как-то отвлечь девушку от ее коварного замысла я решил завести разговор. «Послушай, – сказал я, – а ведь мы даже не представились друг другу. Меня зовут Антон. А как зовут тебя?» «Владипутя» – ответила девушка. «Как? Как?» – удивленно переспросил я. «Вла-ди-пу-тя» – по слогам повторила моя спутница. «Господи! – не удержался я. – Кого же это угораздило тебя так назвать?» «О, это отдельная история», – усмехнулась собеседница, видимо, не желая вдаваться в подробности. Но о чем мне еще говорить с этой ошибкой природы? Я вдруг вспомнил, что в моем ведомстве на занятиях по психологии нас учили: чтобы разговорить незнакомого человека, надо спрашивать его о нем

самом. Я изобразил на лице живейший интерес к теме и произнес: «Умоляю тебя, расскажи! Для меня это очень важно!» Девушка недоверчиво взглянула на меня, но рассказ начала.

«Родители назвали меня Мариной. Но я, как видишь, не совсем вышла лицом, ногами, да, вот и еще кое-чего нет. (Девушка указала взглядом на то место, где у нее должна была быть грудь.) И вдруг я прочла в одной книге: для того, чтобы из «гадкого утенка» превратиться в красавца-лебедя, надо назваться именем какого-то очень красивого человека. Я подумала: какого? И вспомнила, что была такая актриса – Марина Влади, Высоцкого, кажется, жена. Красивая – сил нет. Вот я решила: стану-ка я не Мариной Прыщугиной, а Мариной Влади. А потом глядишь и внешность исправится. Пришла в ЗАГС и говорю: «Хочу фамилию себе сменить». «На какую?» – спрашивает меня их чиновник, такой старый дядечка. Отвечаю: «Влади». «Будешь Мариной Влади, – говорит чиновник и кривится. – Это не современно. Это позавчерашний день. Молодежь и не знает, что она за птица». Я чуть не расплакалась. «А что делать?» Чиновник вошел в мое положение: «Уж если менять фамилию, то надо подобрать что-то актуальней, ближе к сегодняшнему дню». «Какую?» – пожал плечами я. Дядечка стал озираться по сторонам. А на стене как раз портрет Путина висел. Смотрит чиновник на Путина и молчит. А я уже чувствую, куда он будет клонить. Но мне так жалко с фамилией Влади расставаться, – сжилась с ней уже. Я возьми да и предложи: «А давайте у меня будет двойная фамилия: я буду Марина Влади-Путина.» Чиновник засуетился, видно, что ему идея понравилась. «А что, и красиво, а главное, что актуально: Марина Влади тире Путина». Затем подумал и говорит: «Нет, у меня лучше идея есть в традициях, так сказать, нашей державы. Тебе, дочка, надо не фамилию менять, а имя. Фамилия пусть у тебя остается Прыщугина, а имя мы тебе дадим – Владипутя». Дядечка пододвинулся ко мне поближе и на шепот перешел: «Владипутя – это будто от сокращения Владимир Путин. А что, в лихие времена были и Владилены – сокращенно от Владимир Ленин, были Истали – сокращенно от Иосиф Сталин и даже Даздрапермы были...» А тут такая хохма вышла. Сейчас расскажу. Я последнее имя не разобрала да с испугу как заору на старика: «Какой еще тебе спермы?!» Подумала, он сейчас примется ко мне приставать. А старичок хохочет: «Да не будет, девушка, никакой спермы. Даздраперма – это имя, образованное от сокращения лозунга «Да здравствует первое мая!» Я сама рассмеялась: действительно, причем тут сперма? А дедок к самому моему уху свой рот приблизил и шепчет: «Я уже не молодой человек, многое в этой жизни видел. Поверьте: если однажды в нашей стране были Владилены, то будут и Владипути.»

Я подумала: «А что плохого в имени Владипутя? Ну, пусть не стану красивая, как Марина Влади, а зато может меня президентом выберут, как Путина».

Я посмотрел на рассказчицу, представил ее президентом, представил ее портреты на каждом углу, и от этой мысли меня передернуло. Владипутя словно прочла мою мысль. «Нет, президентом мне, конечно, не стать, – оценила свои возможности девушка. – А вот все равно хочется сделать что-то великое, например, спасти Отечество». «От чего спасти?» – переспросил я, удивленный и таким признанием, и тем, что сегодня уже во второй раз заходит речь о спасении державы. «Да я сама не знаю от чего, – замаялась Владипутя. – Неужели же все так хорошо, что и спасать не от чего?» Я растерянно пожал плечами.

В кафе Владипутя кинула как за себя два раза по сто грамм водки, попросив положить на дно каждой рюмки пару маслин (перепутала с «Мартини»), а затем, когда видимо «голова пошла кругом», спросила: «Ну, кто он, твой друг, к которому мы сейчас едем? Рассказывай». Я стал было говорить, что мой друг – костоправ, что он берется удлинить ей ту ногу, которая короче... Девушка вдруг прервала меня? «А грудь он мне сможет нарастить? Мужики-то руками под кофтой шарят, грудь хотят найти. А груди-то и нет. Смешно, правда?» Владипутя залилась таким неумным смехом, что если бы я ее не удержал, она бы свалилась под стол.

Такая подруга была у меня впервые. После прежних изысканных утонченных дам я, честное слово, растерялся – не знал, как себя вести. Если бы я был не на задании, а на свидании, то

бежал бы от этой Владипути со всех ног, бежал бы так, чтобы не смогла она меня ни догнать, ни разыскать где-либо!

Несмотря на очень поздний час, хозяин коттеджа встретил нас радушно. Увидев девушку, пусть и не очень привлекательную, он, как настоящий джентльмен, стал подыскивать тему разговора, близкую именно молодой женщине: «А хотите, я вам своих котят покажу – четыре котика и одна кошечка. И мама у них такая замечательная – не отходит ни на шаг. Котята играют, а она лежит рядом. Я, знаете, когда на них смотрю, думаю: «Вот так выглядит картина семейного рая: счастливые дети играют на траве, а за ними зорко смотрит заботливая ласковая мать. А главное, что и дети и мать – сытые». «Да, у нашего папика не проголодаешься, – вмешалась в разговор вышедшая на голоса жена костоправа, еду этому зверью он возит багажниками». «А моя бабушка в Тарусе уж очень ловко кошкам головы рубит, – постаралась попасть в тему Владипути. – Положит кошечку на поленце, левой рукой ее держит, а в правой руке топор. Кошка-то сначала вырывается, а бабушка давай ей топором спинку гладить, да почесывать. Кошка-то это любит, расслабляется, заурчит, вся вытянется. А бабушка ей, аккурат, по шее топором. Раз! – и кошки нет».

«Господи, помилуй!» – осенила себя крестным знаменем жена костоправа и немедленно вышла.

Сам костоправ решил не продолжать экспериментов на предмет завязывания светской беседы со своей ночной гостьей и перешел к делу. «Так на что жалуемся?» – деловито спросил он. «Да ни на что я не жалуюсь, – пожал плечами Владипути и кивнула в мою сторону. – Это он меня сюда приволок. – и доверительно добавила, – я думала позаниматься любовью». Костоправ перевел глаза на меня. «Я же вам говорил, Виталий: одна нога у девушки короче другой на пять сантиметров» – напомнил я утренний разговор. «Коксартроз третьей степени, – отчеканил костоправ. – Вы, девушка, в детстве перенесли болезнь Пертеса». «Да, перенесла» – заулыбалась Владипути, восхищенная прозорливостью целителя. Он, вдохновленный ее улыбкой, совсем уж жизнеутверждающе произнес: «Это лечится. Ручная работа плюс какое-то время надо полежать на станке. Станками я называю специальные чудо-кроватьки, которые изготовил сам. Замечательные кроватьки! Я сейчас их вам покажу. Пойдемте со мной». Виталий увлек гостью и меня вниз по винтовой лестнице.

Нижний этаж коттеджа – первый, был не таким по-домашнему уютным, как второй, тот, куда попадал посетитель, едва лишь переступив порог. Нижний этаж скорее напоминал тренажерный зал: всюду стояли какие-то механизмы, Единственное, что их объединяло – все были похожи на кровати – только разные. Пока я разглядывал механизмы, костоправ обнадеживал девушку: «Была у меня одна клиентка, у которой одна нога была в точности как у вас на пять сантиметров короче другой – у нее к тому же была еще дисковая грыжа. Не поверите: после моего лечения у нее наступил прорыв в сексуальной жизни: мужиков стало, хоть отбавляй. Приезжает с одним. Я спрашиваю: это ваш бой-френд?» «Нет, – говорит, какой он бой-френд. Я с ним только раз в неделю сплю – не чаще». В другой раз в машине ее мужчина ждал. «Он – бой-френд?» – спрашиваю. «Да, куда ему! – брезгливо машет рукой. – С ним я сплю не чаще чем через день. А вот с кем она спит каждый день – с тем ко мне так и не приехала. А жаль – интересно бы посмотреть».

«Вот здорово! – обрадовалась Владипути. – Мне бы так!» «Да будет еще не так, – подбодрил Виталий. – Какие ваши годы! Той женщине, наверное, лет шестьдесят было». «Ох, ни фига себе!» – ахнула девушка. «А вы как думали! – воодушевленно подхватил костоправ, но, посмотрев на часы, осекся. – Ладно, давайте ножку полечим. Ложитесь на мою чудо-кроватьку. Только верхнюю одежду нужно снять». Вдруг он вспомнил, что в зале кроме него присутствует еще один человек мужского пола, конкретно я. Виталий предупредительно спросил. «Вы своего бой-френда не стесняетесь? А то попросим выйти». «Нет, не стесняюсь. – отрапортовала Владипути, мгновенно оставшаяся лишь в одних трусиках, – Все равно у меня груди нет –

смотреть не на что». «Да есть она у вас! – буквально рывкнул на нее костоправ. – Только при вашей осанке грудь не видно. Живот выпирает».

Я украдкой посмотрел на полуобнаженную Владипутю. Несмотря на то, что девушка была худенькая, живот у нее и впрямь сильно выпирал вперед, было видно, что из-за болезни спины она своим телом не занималась вовсе. А вот ноги – ноги у нее были удивительной красоты! В эту минуту костоправ работал как раз с ними. Виталий сел на металлическую кровать и попросил пациентку положить обе ноги к нему на колени. По очереди он брал каждую и двигал то к себе, то от себя с такой силой, что хруст разносился по всему залу. «На самом деле, – объяснял Виталий, – ноги у вас одинаковой длины только из-за коксартроза уменьшилась подвижность одного из суставов и одна нога сидит в тазу как бы глубже другой. Мы сустав разработаем, и ножка станет на место». «Именно ножка, а не нога» – мысленно отметил про себя я, в первый раз пожалев, что это не я сейчас разрабатываю тазобедренный сустав Владипути.

«Ну, а теперь вашу костно-мышечную систему надо размять на станке, – скомандовал костоправ, когда выпустил ножки Владипути из своих сильных умелых рук. – Лягте на мою чудо-кровать и расслабьтесь. Я задам для начала самую маленькую амплитуду колебаний». Девушка легла. Виталий повернул какой-то рычаг, нажал на кнопку, раздался звук электромотора, и все тело Владипути задвигалось так, словно по нему пробежали волны. «Красиво, правда, – обратился ко мне костоправ. – За что я люблю свою работу, так это за красоту объектов – женских тел и за изящный процесс». Шепотом Виталий добавил, – Заметьте, движение тела девушки чем-то напоминает занятие сексом, а вот только партнера у нее нет, или он нам, как бы, не виден».

Слух Владипути оказался острым.

«А разве с настоящим мужиком нельзя заняться любовью на этой кровати? – поинтересовалась она. – Только с невидимым?» «Почему нельзя? Можно, – охотно ответил костоправ. – Вот оставайтесь со своим бой-френдом у меня на ночь и занимайтесь сексом. Одна пара здесь ночевала, им так понравилось, что выпросили у меня кровать. Так слезно просили, что не продать не смог!» Виталий взглянул на часы: «Ой, мне пора. Завтра с утра у меня работа в Москве, так что мы с женой поедем ночевать в столицу. А вы оставайтесь». Я взглянул на девушку. Она неопределенно пожалала плечами, поэтому я утвердительно кивнул головой: «Спасибо, Виталий».

Когда костоправ отдавал мне ключи от коттеджа, я все-таки не удержался и спросил: «А кого тут у вас еще замочили?» «Мужчину какого-то», – ответил хозяин. Мне почему-то не хотелось его так просто отпускать, и я задал еще вопрос: «Как вы так смело оставляете у себя незнакомых людей? «А чего мне бояться?» – удивился Виталий. Я уточнил: «А безопасность?» «Но ведь вы же и представляете службу безопасности, – парировал костоправ и добавил. – К тому же я получил распоряжение вашего руководства оставить здесь на ночь сотрудника, насколько я понимаю речь шла о вас». Отвечать мне было нечего, и я взял ключи из его рук.

Скажу честно: ключи я взял не без внутренней дрожи. Как-никак два трупа за один день и оба около этого злополучного коттеджа. Не иначе как орудует профессионал, причем вооруженный до зубов, – черепа отстреливает, головы и руки отпиливает, последнее он делает, видимо, для того, чтобы запугать. И все это из-за этой необычной женщины, появления которой я призван ждать здесь. Ну что я, в самом деле, так разволновался? У меня есть штатный «Макаров» и к нему две обоймы. Сейчас закрою дверь на все замки, и в дом не войти ни одному мерзавцу.

Я собственно так и сделал: закрыл все замки и направился вниз, где на механической кровати возлежала полуобнаженная девушка с удивительно красивыми ножками.

С Владипутей ничего не вышло. Как только я приблизился к ней, она отстранила мои руки и с неподдельной искренностью спросила: «А где Мартини? А где икра?» Я огрызнулся:

«А больше тебе ничего не надо?» Владипутя сникла, но тут же перевела разговор в другое русло. «А где твой друг? Расскажи мне: кто он?» Я резко повернулся и вышел за дверь. Во-первых, я никогда не навязываюсь женщинам. А, во-вторых, девушка попросила меня подробно рассказать про человека, которого я представил ей как своего давнего друга. А на самом-то деле я видел его во второй раз в жизни, и что рассказывать о нем не знал. «Гнать пургу» не было сил, а главное, желания. Нет, в таком случае лучше провести ночь одному.

Я поднялся по винтовой лестнице на один этаж, устроился на какой-то лежанке у камина. Огня разводить не стал, уставился в темноту и стал слушать звуки чужого дома.

В любом доме что-то обязательно скрипит, в вентиляционных трубах завывает ветер, скрежещет крыша. Слышно малейшее шуршание, как, например, на ту же крышу упала ветка или села птица, царапнув когтями шифер. Словом, любой дом живет своей жизнью: он, то охает, как столетний дед, то взвизгивает, как младенец. Вот и сейчас мне показалось, что где-то на верхнем этаже нет-нет да раздается женский плач. Плач тихий, сдавленный – словно средних лет дама плачет в подушку, нарочито стараясь, чтобы ее никто не слышал. Ей бы в целях конспирации взять да и вовсе прекратить плакать, но она не в силах это сделать – ей либо до слез жаль кого-то из близких, или, что, скорее всего, до нестерпимой боли жалко себя. Откуда она здесь взялась, эта женщина? Что она здесь делает одна взаперти? Можно встать, подняться на верхний этаж и послушать у каждой двери, есть ли за ней человек. Но я уже пригрелся под каким-то пледом и мне не хочется вылезать. Да и зачем мне, как ищейке снова по дому, когда и так ясно: плач – это акустический эффект. Под этот эффект хорошо дремать или думать, но если думать, то обязательно какую-нибудь грустную думу.

Я почему-то с завистью вспомнил того самого клиента, который пришел к костоправу прямо перед нашим отъездом. Вспомнил его большие, ясные глаза, длинные волосы почти до плеч, вспомнил, как удивительно гармонировала с его лицом та одежда, которая была на нем: с голубыми глазами – светло-голубые джинсы и темно-синяя футболка (Обе вещи, кажется, были от «Версаче»), со светло-русскими волосами – белая кофта, белый ремень на джинсах и кожаная светло-бежевая сумка фирмы «Дольче Габона». На ногах посетителя были спортивные кроссовки той же фирмы. Ансамбль завершали прямоугольные обтекаемой формы часы на левой руке и кольцо с бриллиантом на правой. Оба предмета были из белого золота от фирмы «Картье». Разбираться в вещах меня научило пребывание на таможне, куда Платон Филиппович отправил меня, когда я перешел в его отдел. Одним словом, весь внешний облик посетителя, продуманный до мелочей, представлял законченную композицию. А главное, столь скрупулезно собранный ансамбль не вызывал у его обладателя натянутости в поведении, которая свойственна мужчинам, стремящимся самоутвердиться за счет одетых на них вещей. Такая естественная гармония между внешним обликом и внутренним самоощущением скорей присуща представительницам прекрасного пола, к числу которых дневного гостя Виталия уж никак нельзя было отнести. «А может я просто мало видел по-настоящему состоявшихся мужчин? – подумал я. – Может быть в преуспевающем бизнесмене, политике, писателе внутренняя уверенность должна находить отражение во внешнем совершенстве».

А буду ли я когда-нибудь вот таким, как этот голубоглазый джентльмен – успешным, уверенным, элегантным? – Боюсь, что не буду никогда. Ну, какой из офицера спецслужб настоящий человек? От досады я и сам чуть не заплакал. Еще одна вот такая же грустная мысль, и слезы бы наверняка брызнули из моих глаз. Но больше предаваться грустным мыслям мне не пришлось.

Неожиданно по створкам окна полосонул свет. Было понятно, что кто-то едет на машине по узенькой Лесной улице в направлении коттеджа №б. «Кого это интересно носит в такую пору? – подумал я. – А кстати, который час? Наверное, где-нибудь половина второго ночи». Вдруг я услышал на крыльце чьи-то шаги. «Уж не костоправ ли вернулся? – промелькнуло в голове. – Конечно, он – больше некому. Точнее, он не вернулся, а его вернули наши сотруд-

ники для того, чтобы учинить допрос относительно второго трупа, найденного невдалеке от его коттеджа». Я стал ждать, как сейчас в замке провернется ключ, вспыхнет свет, войдет Виталий в сопровождении Ревнилова, а то и самого Платона Филипповича.

Но то, что я услышал, удивило сверх меры: доносившиеся из-за железной двери звуки напоминали удары лома. «Зачем же так ломиться в собственный дом, тем более, когда здесь я? – промелькнула мысль. – Может Виталий вернулся один, например, напился, да забыл, что оставил меня здесь с Владипутей. Мне стало легче от этой мысли, и я уж хотел было встать и открыть дверь, но вдруг ужалила мысль: «Стоп! Виталий не пьет. Тогда кто же это?» Сердце бешено забилося от мысли, что визитер и есть тот человек, который здесь в Чириково отрезает головы, руки и отстреливает верхушки черепа. Я притаился на лежанке и решил не выдавать себя столько, сколько удастся.

Наконец дверь со скрежетом открылась. Послышались чьи-то тяжелые шаги, и тишину разрезал рыдающий мужской голос: «Яна! Яна! Ты здесь?» «Что это они все здесь рыдают, в этом коттедже? – невольно подумал я. – Плакал дом, я приготовился думать грустную думу и возможно всплакнуть, а теперь ворвался какой-то мужик и тоже в плачь». Слабый свет карманного фонарика заскользил по стенам. Свет уже от уличного фонаря на мгновение осветил грузную фигуру ночного гостя. «Хозяин, верни мне мою Яну, и я оставлю тебя жить! – снова зазвучал в темноте тот же плачущий голос, от угроз которого скорее становилось смешно, а не страшно. Естественно, что никто не ответил. Визитер продолжал угрожать: «Хозяин, последний раз предупреждаю тебя: или сейчас же возвращаешь Яну или я убиваю здесь всех». Слова гулко разносились по коттеджу. В ответ опять тишина. И, в конце концов, голос спросил уже жалобно: «Ну, здесь есть хотя бы кто-нибудь?» Я, затаившись, молчал.

Не дождавшись ответа и на этот вопрос, ночной визитер, видимо огляделся впотьмах и увидел полоску света на нижнем этаже, идущего из-под двери, за которой находилась Владипутя. Грузная тень устремилась туда. Я понял, что теперь мне придется вмешаться. Значит, надо выждать подходящий момент.

Я дал ночному гостю спуститься, замер у перил лестницы и стал наблюдать за происходящим сверху. Дверь распахнулась, в потоке света я увидел всё ту же грузную низкорослую фигуру, которая буквально ворвалась в освещенный зал. Затем раздался дикий визг Владипути, которую незнакомый мужик застал в одних трусиках, но этот визг перекрыл такой же дикий крик ночного гостя: «Где Яна?» «Нет здесь Яны!» – в свою очередь, что было сил, заорала в ответ Владипутя. «Как это нет? – возмутился мужской голос. – Когда Василий Иванович видит ее здесь?» «Какой еще Василий Иванович?» – возмущенно спросил женский голос. «Василий Иванович – слепой из Ульяновска, – уточнил голос ворвавшегося мужика. – Он отчетливо видит Яну именно здесь, в коттедже костоправа».

«Что за чушь? – судорожно подумал я. – Почему слепой и видит? А главное, мужчина дважды произнес глагол „видит“ в настоящем времени, как будто этот слепой из Ульяновска находится сейчас здесь и лицезреет неуловимую Яну. Допустим, два дня назад или сегодня с утра какой-то слепой мог каким-то чудом видеть в этом коттедже какую-то Яну. Что с трудом, но допустимо. Но в таком случае люди говорят „видел“. А этот мужик два раза произнес именно „видит“. Нет, я не ослышался. Сумасшедший бред!» Меня уже больше суток преследует какой-то кошмар, который начался вчера в ресторане. А главное, он никак не закончится. Может быть, взять ущипнуть себя и все пройдет? Я, что есть сил, ущипнул себя за руку.

А дальше я услышал пронзительный крик Владипути: «Отвянь, хорек вонючий!» Затем послышался шум – видимо в «хорька» полетел какой-то предмет и стали доноситься звуки борьбы. Я решил, что если вмешаться, то сейчас.

В мгновение ока, оказавшись на первом этаже, я застыл в дверном проеме. Передо мной, вцепившись друг в друга, застыли голая Владипутя и толстый низкорослый мужик лет сорока с длинными грязными волосами. Лицо мужика уже было, как следует, исцарапано.

«Ты – костоправ?» – спросил мужик, отпрянув от девушки. Я посмотрел на вопрошавшего и вдруг увидел не его лицо, а направленный прямо на меня черный ствол пистолета – немецкого «Вальтера». В минуты смертельной опасности, меня, излишне трепетного в обычной жизни, почему-то охватывает необычайное спокойствие и пробуждается азарт. Так произошло и в этот раз. Я, широко улыбнувшись незнакомцу, дружелюбно ответил: «Да, костоправ – это я». «Ах, ты, гад! – рассвирепел ночной гость и сделал шаг вперед, но вдруг остановился. – А где Яна?» – уже вполне дружелюбно спросил он. «Да вот она» – также дружелюбно ответил я и указал мужчине за спину. Тот оглянулся, и в этот момент я ловко выбил у него пистолет ударом ноги. Оружие закрутилось на скользком кафельном полу, как волчок. Мы все трое замерли, глядя друг на друга. Я хотел было поднять «Вальтер», но неожиданно этот, казалось бы, неповоротливый мужик резко толкнул меня двумя руками в плечо, и я, поскользнувшись, ударился головой о чудо-кровать. Толстяк выбежал, хлопнула входная дверь. На улице заревел двигатель. Было слышно, как полетела из-под колес щебенка и, когда я сбежал с крыльца, машина с толстяком уже сворачивала с улочки, ведущей к коттеджу, на большую дорогу. Догонять ее мне было не на чем.

Сердце бешено колотилось. И так, скорее всего я только что нос к носу столкнулся с человеком, который замочил, а затем разрезал на куски агента «Моссад», а затем отстрелил верхушку черепа еще какому-то спортсмену. И эта встреча, надо сказать, для меня еще очень хорошо закончилась – подумаешь, шишка на голове.

«Кто это был?» – спросила Владипутя, когда я вернулся вниз. Она прижалась ко мне всем телом и дрожала. «А я почему знаю!» – бросил я. В этот момент меня стал занимать другой вопрос: что докладывать начальству? Согласно инструкции офицер спецслужб должен в таких случаях или задержать нападавшего, или уложить его на месте. Ни того, ни другого я не сделал. Да и вообще, кто это был? Какую информацию я могу сообщить о непрошенном визитере? Я понимал, что информации у меня нет никакой. «Это как минимум взыскание, – с горечью подумал я, – плохо так начинать работу в новом отделе». Спасение пришло неожиданно.

«А все-таки я этому вонючему хорьку рожу-то расцарапала!» – удовлетворенно произнесла та, кто сейчас испуганно прижималась ко мне. «Стоп! – меня осенило. – Я и в самом деле видел царапины на лице ночного гостя. Значит, под ногтями девушки должны были остаться фрагменты его кожного покрова, а может быть даже кровь. – Это уже что-то! Этим можно отчитаться перед Платоном Филипповичем за ночное происшествие. Надо только убедиться, что под этими ногтями что-то есть». Я ласково взял руку девушки, положил ее в свою ладонь, погладил и поднес к губам. «Успокойся, успокойся. Вонючий хорек больше не придет» – шептал я, покрывая поцелуями кисть ее руки с наружной стороны. Владипутя вся размлела от ласк. «Ой, какой ты сексуальный!» – восторженно произнесла она. «Да, – подтвердил я, – я очень сексуальный», перевернул ее ладонь в своих руках, приблизил к губам, а сам внимательно заглянул под ногти и с удовлетворением констатировал: «Есть! – и кожа и даже кровь». И от нахлынувшей радости я стал радостно покрывать поцелуями уже не только ладони девушки, но и лицо. «Ой! Ты меня возбуждаешь, – неожиданно произнесла Владипутя. – У меня голова пошла кругом! Побежали наверх!»

Я хотел было съязвить – напомнить про отсутствие «Мартини» и красной икры, но вовремя вспомнил, что я не на свидании, а на задании, промолчал и бережно взял ладони Владипути своими двумя руками так, чтобы из-под ее ногтей, не дай Бог, ничего не выпало. По дороге на второй этаж я думал: надо позаниматься с ней сексом так, чтобы она поменьше двигалась, поменьше махала руками или за что-то цеплялась, словом, чтобы «информация» о ночном госте не выпала у нее из-под ногтей. Я аккуратно уложил девушку на ту лежанку около камина, где только что собирался спать сам, ласково погладил ее по голове и плечам: «Лежи, тихо лежи, моя ласточка. Очень тихо лежи». «Ой, какой ты нежный! Я тащусь!» – восторженно вздохнула Владипутя. Я лег рядом. «Только бы она от счастья не стала скакать и пры-

гать». – с содроганием подумал я. Я даже инстинктивно отодвинулся от Владипути на край постели. И тут моя рука соскочила с лежанки куда-то вниз и уперлась в кнопку. Мое тело по инерции устремилось за соскользнувшей рукой. Под весом тела кнопка вдавилась вниз – лежанка пришла в движение. Оказывается, это еще одна чудо-кровать!

Валики плавно двигались, и все тело Владипути так же плавно поднималось и опускалось им в такт. «Ой, и делать-то ничего не надо – кровать все сама за меня и за тебя делает. Вот это я понимаю секс! – не скрывала своего восторга Владипути. – Давай такую лежанку купим!» Я промолчал, а сам подумал: «Интересно, а из каких соображений этот умелый рукастый костоправ наделал столько механизмов – чудо-кроватей? Зачем они ему?»

Утром я соскреб булавкой из-под ногтей своей спящей знакомой то, что так боялся потерять за ночь, завернул в какую-то бумажку и спрятал в карман. Такой «отчет» о ночном происшествии вполне удовлетворил мое начальство.

Глава 3. ...А вы груди считать умеете?

«Через полчаса пойдешь отдыхать, а пока еще посиди тут». – сказал Платон Филиппович после того, как выслушал мой доклад о ночном происшествии.

«Легко сказать отдыхать, – подумал я. – А кто будет за меня налаживать мою личную жизнь?» И, воспользовавшись тем, что начальник отдела погрузился в свои дела, я стал думать о Гале Лейкутович, той самой ученице 11-го класса «А», игрока в хард-болл.

Итак, как бы мне напомнить о себе этой Гале? Единственный способ позвонить по телефону и пригласить на свидание. А куда пригласить? – В ресторан или в ночной клуб, а вдруг это ее к чему-то обяжет? Я бы не хотел строить свой роман на обязательствах с ее стороны. Мне нужны только чувства. Пригласить на дискотеку? – Но там гремит музыка, все трясутся, прыгают – не то место, куда можно пойти, чтобы полюбоваться Пречистой Девой. (Я именно так стал упорно называть Галю – Пречистая Дева). Я вдруг понял, что хотя не знаю, куда пригласить это полубожественное создание, но я твердо знаю, какие цветы я ей подарю. Это будут не банальные розы, и не революционные гвоздики, это обязательно будут герберы, да, это будет букет, составленный из гербер всех возможных цветов: желтых, красных, розовых, белых, фиолетовых. Пречистая Дева с таким букетом – это кич!

В этот момент меня вызвали к Платону Филипповичу. Одновременно со мной секретарша ввела в кабинет женщину, которую я узнал сразу – это была Лена, жена костоправа. «Сейчас устроит скандал за раскученную дверь». – подумал я и приготовился оправдываться. Неожиданно женщина положила на стол какой-то блокнот. «Вот я нашла его на гравиевой дорожке около своего коттеджа. Это не Виталия и не мой». «И не мой» – тут же откестился я. «Наверное, того негодяя, кто мне дверь сломал». – с негодованием произнесла женщина. Забыл сказать: уезжая в отдел, я оставил наблюдать за домом «желторотика». (Молодой сотрудник, конечно же, проинформировал Лену о ночном происшествии). «Не иначе того негодяя». – с готовностью подтвердил я, затем взял блокнот, только было хотел его раскрыть, как мой начальник задал посетительнице вопрос: «А вы не знаете, кто бы это мог быть?» Женщина пожалала плечами. «Ну, я так и думал» – сказал подполковник. Но жена костоправа вдруг произнесла: «Хотя вчера звонил Виталию какой-то Павел, говорил, что приедет лечиться вечером. Мы допоздна его ждали, но он так и не приехал». «Что за Павел?» – заинтересовался подполковник. «Не знаю. Он раньше у нас никогда не был. Виталий ему очень подробно объяснял дорогу». Было видно, что это все, что можно было узнать от пришедшей женщины. Я наконец-то открыл блокнот. На первой же странице была запись следующего содержания:

«Я рискую навсегда потерять Яну. А если это произойдет, я – Паэл Озерлик, безработный, я – бомж...». Я тут же протянул блокнот своему начальнику, тот прочел, перевернул страницу, что-то почитал и глаза его вдруг стали квадратными. Он схватил телефонную трубку и буквально прокричал в нее секретарю: «Капитана Ревнилова ко мне! Срочно!» «Что такое?» – взволновался я. «А ты послушай, – и подполковник стал читать следующую страницу блокнота. – Я думал, что у меня только с Яной ничего не выходит. Но, вот я лег в постель с этой необычной женщиной. В мою грудь упирались две ее крепких груди, в живот тоже. Это было прекрасно! Это было как в сладком фантастическом сне. И ничего не вышло».

Вбежал капитан Ревнилов. «Срочно установить, когда въехал в нашу страну и выехал ли из нее... как его... Паэл Озерлик» – скомандовал подполковник. «А что такое?» – поинтересовался капитан. Начальник отдела снова зачитал тот же фрагмент из блокнота. «Ну и что?» – едва ли не одновременно спросили капитан и я. «Как, ну и что? – взвился наш шеф. – Вы считать-то умеете?» «Что считать?» – не поняли мы с Ревниловым. «Грудь, вот что, – заорал начальник отдела, – две груди упирались в грудь этому Озерлику, а в живот-то тоже груди упирались. Не могли же это быть одни и те же груди! Значит, их всего сколько было?» «Четыре!» –

восторженно произнес Ревнилов. «Правильно. Наконец-то сосчитал», – облегченно вздохнул начальник отдела. «Вы – гений, товарищ подполковник!» – восхитился Ревнилов. Платон Филиппович отреагировал спокойно: «Я не гений, я – математик. Я мехмат МГУ заканчивал». «А я – собаковод, – встраиваясь в тему, сказал Ревнилов, – образование разведчика у меня, как и у вас, дополнительное». «Вот и вцепись в этого Озерлика мертвой хваткой, если ты – собаковод, – подхватил подполковник. – Не дай ему выехать за границу России. Пришей про-никновение в частный дом, ношение огнестрельного оружия... Ни мне тебя учить. Словом, одна нога здесь, другая – там.» Ревнилов вышел (нет, не вышел, а вылетел). Жена костоправа тоже ушла.

И тут взвился уже я: «Не понимаю, Платон Филиппович, ну за что мы преследуем эту женщину с четырьмя грудями? Почему, увидев ее, я должен ее задержать или даже убить? Ну, родит она когда-нибудь Спасителя Отечества, что в том плохого?»

«Тебя интересует, что плохого в том, что эта дама должна родить спасителя Отечества?» – в лоб спросил меня начальник отдела. В ответ я утвердительно кивнул головой. Платон Филиппович вдруг неожиданно задал мне вопрос: «Ты, конечно, читал книгу про смуту, про Гришку Отрепьева?» «Нет, – ответил я, но затем поправился. – Телепередачу смотрел». Подполковник облегченно вздохнул: «И то, слава Богу! Тогда ты помнишь, что бояре сделали с этим мальчиком по имени Гриша, для того, чтобы он уверовал, что он и впрямь сын Ивана Грозного?» – продолжал он. «Помню, – ответил я. – Они его зомбировали, и он уверовал». «А что последовало за тем, когда он уверовал, что он – законный наследник российского престола?» – спросил Платон Филиппович. «Смута» – ответил я. «Правильно! – с одобрением в голосе подтвердил подполковник. – Словом, большая за тем последовала кровь, последовала интервенция и свержение законного самодержца, царя Бориса, избранного, кстати, прямым всенародным голосованием, точно таким же, каким в России избирают президента. Короче, от одного зомбированного ребенка последовал развал государства. А теперь от казусов истории перейдем к сегодняшнему дню. Представь, Антон, что ребенок вот этой необычной женщины, ну, когда он появится на свет, тоже будет зомбирован какими-то людьми, которые захотят прийти во власть, так сказать, недемократическим путем. Представил?» Я утвердительно кивнул головой. «И что тогда будет?» – пытал меня подполковник. Я молчал. «Кровь тогда будет и угроза государственному строю, – ответил за меня Платон Филиппович. «Но почему, если человек хочет спасти Отечество, то обязательно должна быть кровь? – возразил я, – Что в этом плохого, в желании спасти Отечество?» «От чего спасти? – заорал на меня начальник управления. – От чего он тебя должен спасать, этот ребенок?» «Ну, например, от эпидемии куриного гриппа или гриппа свиного» – вызывающе ответил я, вспомнив программу новостей, посвященную очередной эпидемии. Подполковник опешил. Он не ожидал такого поворота моей мысли. Я продолжал: «Этот ребенок изобретет какую-нибудь вакцину и не будет больше угрозы для людей. Почему он обязательно будет делать государственный переворот?». «В том-то и дело, Антон, – с болью в голосе произнес Платон Филиппович, – что как только кто-нибудь заикнулся, что собирается спасти Отечество – копни глубже и обнаружится, что ни о какой вакцине речь не идет, «спасителю» в первую очередь нужна власть, а это смута и большая кровь. Опасность для государства. Мы же с тобой должны обеспечивать именно безопасность страны. Так что надо эту женщину задерживать. Ты согласен со мной?» «Согласен», – ответил я, хотя полностью согласен не был.

В эту минуту распахнулась дверь. На пороге стоял капитан Ревнилов, он был мрачнее тучи. «Паэл Озерлик улетел в Дюссельдорф первым утренним рейсом».

«Отбой! – скомандовал Платон Филиппович. – Все свободны».

От этой команды начальника отдела лично я пришел в восторг. После суток, проведенных то в коттедже, то в машине, теперь меня переполняло чувство свободы. Этой свободой надо было срочно воспользоваться. И вот тут-то мой мысленный взор снова упал на Галю. Я вышел

за дверь и, не задумываясь, какой может быть реакция одиннадцатиклассницы на мой звонок, набрал номер ее мобильного телефона.

Я что-то сбивчиво говорил о необходимости встретиться, потому что надо срочно наметить перспективу дальнейшей работы, врал, что отбываю в командировку, которая может оказаться длительной. «Но я же сейчас учусь», – растерянно ответил приятный бархатный голос. Черт, я как-то забыл, что сейчас только одиннадцать часов утра, и в школе полным ходом идут занятия. Но Галин голос тут же повеселел: «Есть одна пара, которую я смогу прогулять – с двенадцати часов до двух».

Школа, в которой училась Галя, находилась где-то на Шаболовке. Повторяю, я не знал, куда поведу свою спутницу, я знал только одно, что обязательно должен подарить ей букет разноцветных гербер. В ларьке я старательно выбирал цветы, чтобы они нарочито имели самый разный окрас: белый, красный, желтый, оранжевый и фиолетовый, выбирал из расчета, что если не восхищу девушку, то хотя бы удивлю ее. Букет удался на славу, – настоящий «вырви глаз». Стояли солнечные теплые дни второй половины сентября, на деревьях уже золотилась листва. Я вспомнил, что недалеко от Шаболовки есть Донской монастырь, на его территории живописный некрополь, где то и дело снимают сцены из различных исторических фильмов. Идеальное место для небольшой прогулки.

Галя была ошарашена. Она впиалась глазами в разноцветный букет: «Никогда не представляла себя среди таких цветов... Мне обычно розы дарили или гвоздики». С цветами в руках она тут же стала вертеться около какой-то зеркальной витрины. «Слушай, а мне идет. Только смотрюсь как-то уж слишком легкомысленно!» Легкомысленность – это то, что я и стремился придать девушке своим китчевым букетом. Прежде ее схожесть с Пречистой Девой Марией как бы давила мне на психику, она обязывала относиться к ней не как к девчонке, а как к иконе. Шаловливый букет превращал эту схожесть в игру, сама же обладательница богообразной внешности как бы вышла из своего парадного портрета и стала доступна для простого общения.

В монастырь мы прошли беспрепятственно, а вот вход в некрополь нам преградил охранник. Оказывается простым смертным некрополь можно посещать только в определенные часы. Моей досаде не было предела! И тут я вдруг сообразил, что являюсь не простым смертным, которому негде в погожий день прогуляться с дамой, я являюсь сотрудником спецслужб, который, возможно, находится на выполнении государственного задания, а спутница с букетом чрезмерно ярких цветов присутствует рядом специально для отвода глаз. «Сейчас я все улажу, – сказал я растерявшейся Гале и зашел в будку охранника. Я предъявил парню свое удостоверение, парень вытянулся по струнке и разрешил пройти. Девушка, наблюдавшая эту сцену, буквально просияла.

В некрополе Галина радовалась, как дитя. «Узнаю! – то и дело восклицала она. – Сколько раз этот монастырь в фильмах видела, а не знала, что он рядом с моей школой».

Когда восторгам пришел конец, я встал перед необходимостью как-то поддерживать разговор. Я решил подтолкнуть Галю и рассказать об ее увлечении.

– Как организуется ваша игра хард-болл? – спросил я. – И почему она так называется?

«Хард – тяжелый, болл – шар. Есть стред-болл, это когда шариками с краской стреляют, а хард-болл, он жестче, – с увлечением стала говорить моя спутница, – здесь стреляют или отмедненными стальными шариками или свинцовыми пулями».

«Это же, наверное, больно, когда попадут?» – посочувствовал я.

«Больно, – посетовала девушка. – Остается синяк, а в середине маленький шрам. Синяк проходит, а след от шрама остается навсегда». Я смерил взглядом Галю, такую ухоженную, нежную, и с удивлением спросил: «А как тебя туда занесло?»

– Занесло меня туда очень просто, – охотно ответила девушка. – Мой бывший ухажер, ну, это было давно, устраивал ролевые игры. Я в них тоже участвовала. А затем его вдруг

позвали стреляться команда на команду из пневматического оружия. Мальчишки, все пошли, а меня не позвали. Я сказала: «Я тоже хочу». Ухажер мне отрезал: «Мы девушек не берем». Мне хотелось нового увлечения, и я стала тренироваться. Тренировалась больше, чем они, и меня позвали. Так я оказалась в хард-болле, стала участвовать в соревнованиях». Галин рассказ меня захватил, и я уже с интересом стал спрашивать дальше: «А в чем заключаются ваши соревнования?» «У нас компания – десять человек, мы обычно делимся на две команды и стреляем друг по дружке. Попали – убит, и так до чьей-то победы. У меня тогда была обычная пятизарядная винтовка ИЖ-61. Она стреляла прицельно, но на двадцать метров. Но это было давно и неинтересно. Интересно сейчас, – девушка внезапно оживилась. – Сейчас я – снайпер».

И, не дожидаясь моих вопросов, Галя стала вдохновенно говорить дальше: «Прошлой весной мы решили поехать на встречу с другой командой в район города Реутов. Там был недостроенный завод на окраине города, все перерыто бульдозером – то есть готовые окопы, готовые укрепления, – идеальное место. В команде соперников был один мальчик, совсем молоденький, лет четырнадцати. У него была мощная винтовка МС-15 с четырехкратным оптическим прицелом. Находясь в укрытии, он попадал в человека на расстоянии почти ста метров. Наши же винтовки, я говорила, били только метров на двадцать-тридцать. Именно из-за него мы из четырех боев проиграли три. Когда мы ехали назад с этих соревнований, я сказала командиру: «Я хочу быть как этот мальчик – я хочу быть снайпером, хочу попадать в человека с расстояния ста метров». Я продала свою винтовку ИЖ и купила винтовку МС-15, как у этого мальчугана. Она была однозарядная: значит, один выстрел – один труп. Я купила оптику и стала тренироваться. Я занималась с инструктором, занималась очень упорно долго: каждый день по три часа, один выстрел в пять минут. Очень утомительные тренировки, но через неделю я уже выбивала коробок практически со ста метров.

Инструктор, который меня тренировал, раньше служил в специальных войсках, он говорил, что у меня очень большое дарование, потому что я одна, кто с такого расстояния «пневматикой» вышибает спичечный коробок, ни один из мужиков, которых он знает, не может это сделать. И еще он говорил, что в войну перекупали хороших снайперов и что за меня, случись что, дали бы... Ну, дальше он какую-то просто немислимую цену называл».

Я слушал этот экстравагантный рассказ и откровенно любовался своей спутницей. Это юное чистое существо словно просветляло всего меня, освещало изнутри. Я подумал, что именно здесь могло бы вырасти большое чувство на всю жизнь. По крайней мере, я бы очень хотел этого. Внезапно откуда-то из-за замшелых надгробий вынырнула фигура в черной сутане. Священнослужитель окинул нас колючим взглядом и заспешил куда-то по своим делам. «Плохая примета – встретить монаха-черноризца», – почему-то мелькнуло у меня в голове. Но я тут же забыл об этом.

Мы гуляли по тихим аллеям некрополя, любовались старинными надгробиями, читали сделанные на них напутственные надписи, вспоминали тех, кто покоится под плитой, если его имя было нам знакомо. И вдруг наше внимание привлекла молчаливая фигура Христа, стоящая в полный рост с опущенными вдоль тела руками и со слегка наклоненной головой. Фигура была сделана из черного мрамора, и из-под нависших бровей прямо на нас смотрели глаза изваяния. Смотрели испытывающее. Эти глаза находили тебя всюду, куда бы ты ни пытался скрыться от них: шагнешь вправо – они все равно смотрят прямо на тебя, шагнешь влево – та же ситуация, отойдешь назад или вплотную приблизишься, глаза все равно зорко глядят тебе в душу. Лучше уж не метаться, не пытаться уйти, а предстать под их взором таким, какой ты есть со всеми своими грехами и человеческими слабостями. Мы оба, не сговариваясь, это сделали. Я застыл, встретив на себе испытывающий взгляд Сына Божьего, застыла и Галя. О чем я думал в этот момент? Я проклинал себя за то, что провел эту ночь в одной постели с Владипутей, провел, несмотря на то, что знал: существует красивая чистая девушка, которую я сам окрестил Пречистой Девой. Ну, почему я не сберег себя для нее?! Я не знаю, о чем думала

Галя, но внезапно девушка вздрогнула, отвела глаза от монумента из черного мрамора и виновато произнесла: «Мне, кажется, предстоит совершить один очень тяжкий грех.... Но совершить его из-за любви к ближнему.» Она резко повернулась и стала быстро удаляться по аллее.

Я догнал ее у самого выхода из монастыря. Прощаясь, она протянула мне руку, я протянул свою, но не успели наши ладони дотронуться друг до друга, как мы оба разом их отдернули – нас ударил ток. Мы оба расхохотались и вновь протянули руки навстречу друг другу. На этот раз электрического разряда не было, и я ощутил тепло и бархатистость ладони семнадцатилетней девушки, решимость ее пожатия и тот особый нерв, который шел от ее прикосновения. «Неужели это любовь?» – промелькнуло в голове.

Надо сказать, что пока я наслаждался обществом своей очаровательной спутницы, у меня во внутреннем кармане уже несколько раз звонил мобильник, но я делал вид, что звонок для меня не важен, и не реагировал. Потом, судя по короткому отрывистому звуку, стали одна за другой приходить SMS-ки. Их я тоже не читал. Простившись с Галей, я открыл почту. Платон Филиппович, ругаясь, на чем свет стоит, срочно вызывал меня в отдел.

«Завтра ночью ты уезжаешь с Ревниловым в Ульяновск». – приказным голосом сказал подполковник, когда мы встретились.

Прочитав недоумение на моем лице, начальник отдела пояснил: «Я тут продолжил изучение блокнота, который обронил возле коттеджа Паэл Озерлик. В нем есть очень полезная информация...» На этих словах Платон Филиппович достал из стола крохотный блокнот, который подобрала жена Виталия, и стал читать вслух: «От меня в очередной раз убежала Яна. Если она не вернется, я – Паэл Озерлик – банкрот, я – бомж. Прежде, чем в Дюссельдорфе сесть на московский рейс, я позвонил слепому Василию Ивановичу в Ульяновск и спросил, где Яна. Слепой сказал, что видит ее в коттедже у костоправа и назвал адрес: Московская область, деревня Чириково, улица Лесная, дом 6 и добавил: там же находится та необычная женщина, с которой у тебя в первый раз ничего не вышло. Попробуй еще разок».

Для меня это решение начальника было большой неожиданностью, я невольно задал вопрос: «А кто тогда будет дежурить в Чириково?» Последовал ответ: «Никто. Караулить эту даму в коттедже – попусту терять время. После двух трупов она, скорее всего, туда не вернется. Перспективней взять того, кто всегда в курсе местонахождения этой женщины и уже потрясти его. Одним словом, ваша цель в Ульяновске – слепой Василий Иванович или тот, кто выдает себя за эту одиозную личность. Ступай!»

Глава 4. Тело Ленина живет и побеждает

Мы ехали в Ульяновск. Ехали на машине. За рулем был все тот же Диса, его «пятерка» чихала, вздрагивала, но все-таки двигалась.

Машина ехала с черепашьей скоростью в первую очередь, потому что: то на одном участке, то на другом шел ремонт дороги. Диса матерился, на чем свет стоит, но разогнаться выше «шестидесяти» никак не мог.

Чтобы не раздражаться вместе с Дисой от того, что вдоль трассы то там, то тут возникали ограничительные дорожные знаки, я решил заняться делом.

Я вспомнил, что скачал из базы нашего ведомства в свой ноутбук те материалы, которые касались агента разведки Моссад Исхака Цысаря, нашедшего страшную смерть вблизи коттеджа костоправа, и досье на того самого второго мужчину, которому отстрелили верхнюю часть черепа где-то неподалеку. Я открыл ноутбук и стал внимательно читать материалы.

Вторым погибшим оказался Кин Лоуренс из ФБР. Получалось, что разведки Израиля и США проявляли интерес к той же самой необычной женщине, которой интересовались и наши спецслужбы. Но, если в России, согласно версии Платона Филипповича, эта особа может способствовать политической дестабилизации, то этим двум стабильным странам она уже никак не может угрожать. Интересно, на кой черт она им сдалась, эта дама?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.